

VIENA, AUSTRIA, MARCH 2017

“CRONUS’ COMPLEX”
SEARCHING OUT OF THE SQUIRRET CADE
(F. Nietzsche and “philosophy of life”)

«КОМПЛЕКС КРОНОСА»
ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ БЕЛИЧЬЕГО КОЛЕСА
(Ф. Ницше и «философия жизни»)

Mironchik Yaugen

*Senior lecturer Department of teaching methods
of integrated school courses BSPU, Minsk*

E-mail: ramona913@mail.ru

Мирончик Евгений Иванович

*ст. преподаватель кафедры методики
преподавания интегрированных школьных курсов
Белорусского гос. педагогического университета
имени Максима Танка, г. Минск*

E-mail: ramona913@mail.ru

В XIX веке молодой немецкий ученый Фридрих Ницше утверждал, что генезис культуры человечества был обусловлен подменой инстинктивной природы человеческой жизни наукой, разумом. Как это не парадоксально звучит, но именно так современники Ницше инстинктивно противопоставили свой менталитет бурному развитию капиталистических взаимоотношений в Европе. Пройдя эволюцию от романтизма, когда Ницше был под влиянием Артура Шопенгауэра, до позитивизма, он пережил болезненный разрыв с идеалом художника (архетип Гефеста) [1, 217, 220] и в итоге сформировал свой

фундаментальный философский принцип «*ego imperio, ergo sum*», что означает противопоставление «империи воли» «диктатуре разума». Именно этот принцип был свойственен верховному олимпийскому богу Зевсу, находящемуся в безраздельной власти архетипа отца, именуемого в психоанализе «комплексом Кроноса» [1, 34]. Философия «*ego imperio, ergo sum*» привела Ницше к концепции волюнтаризма. Ницше считал, что существует только физическое начало, состояние, а духовное – это всего лишь символика. Инстинкт – это руководитель и выразитель всех потребностей человеческого тела. А сам человек, как несовершенное животное, является неполноценным биологическим существом. Можно подумать, что это похоже на софистику, если отбросить теорию Зигмунда Фрейда «влечений» («*Tribe*»). В его формулу «*Ich tribe*» включаются личные влечения или влечения «Я», цель которых – сохранение индивида [2, 72]. Более того, «*Ich tribe*» иногда вступает в конфликт с «*libido*» и, впоследствии, вызывает сексуальное голодание. В последней своей книге «Я и Оно» Фрейд полагал всю эту область психики, не совпадающую с нашим «Я», назвать «Оно» как нечто неопределенное. «Оно» – это та внутренняя темная стихия вождлений и влечений, которая противостоит нашему разуму и доброй воле. «Оно» – это страсти, мотивирующие наши поступки [2, 431]. «Оно» может привести к утверждению салимпсического «Я», являющимся тем единственным, что дано без сомнений, тут и сейчас.

В книге «Я и Ты» еврейский философ-диалогист Мартин Бубер предложил идею поисков «третьего пути» между неосуществимым идеалом объективизма, который приводит рефлексивное познание человека к «заблуждению» и картезианской фетешизации тайны собственной индивидуальности, грозящей «солимпсизмом». В итоге этого отвергается как антологическая рефлексия о «бытии, которое существует», так и непреодолимое отождествление «*ego cogito*». В качестве альтернативы Бубер предложил фундаментальную ситуацию – феномен сосуществования «Я» с другой личностью [3, 134].

Немецкий психиатр, основоположник экзистенциализма Карл Ясперс в XX веке стремился противопоставить философствование

псевдорационалистическим утопиям, ведущим к насильственному построению рая на земле. Благодаря ему в психиатрии возникло учение о «пороговых ситуациях», за которыми человек бессознательно воспринимает творческую «экзистенцию» как отражение бога в человеке, как божественную эманацию. Однако, это может быть иллюзией. Создается впечатление, что такое «философствование» открыло в подсознании последователей Ницше именно те самые мрачные психические потенции, которые во времена античности были свойственны богу подземного царства мертвых Гадесу и богу морской стихии Посейдону, являющимися в психоанализе ущемленными теневыми проявлениями архетипа «отца». Если в сумрачное пугающее царство невидимых моделей поведения и безличных, непредсказуемых реакций Гадеса люди получают доступ в состоянии клинической смерти, то в царство глубоко личных эмоций и инстинктов Посейдона куда легче попасть. Однако, многие люди подавляют, недооценивают и вытесняют, как им кажется, за пределы сознания проявления влияния Посейдона, а тем более, влияния Гадеса. Если Гадес управляет упадком сознания, привносит в жизнь человека сумрак, служит источником депрессий, тревог, эмоциональных спадов и печалей [1, 104–105], то Посейдон, находясь, казалось бы, в безысходном вечном заточении, может дожидаться момента, когда его «гнев и горечь выйдут наружу и человеком овладеет первобытный порыв сокрушать того, кто причинил ему боль, – чего бы это ни стоило» [1, 84].

В книге «По ту сторону добра и зла» Ницше рассуждает о гендерных связях людей именно под влиянием психологических паттернов, заряженных энергией архетипов Посейдона и Гадеса. Он утверждал: «Конечно, много есть тупоумных друзей и развратителей женщин среди ученых ослов мужского пола, которые советуют женщине отделаться таким путем от женственности и подражать всем тем глупостями, коими болен европейский «мужчина», больна европейская «мужественность», – которые хотели бы низвести женщину до «общего образования», даже до чтения газет и политиканства». Далее автор приходит к выводу, что женщины делаются «с каждым днем все истеричнее и

не способнее к выполнению своего первого и последнего призвания – рожать здоровых детей» [4, 239]. Ницше апеллирует к силе натуры женщины, которую он идентифицирует следующим образом: «То, что внушает к женщине уважение, а довольно часто и страх, – это ее натура, которая натуральнее мужской, ее истая хищническая коварная грация, ее когти тигрицы под перчаткой, ее наивность в эгоизме, ее не поддающаяся воспитанию внутренняя дикость, непостижимое, необъятное, неуловимое в ее вожделениях и добродетелях... Что, при всем страхе, внушает сострадание к этой опасной и красивой кошке, «женщине», – так это то, что она является более страждущей, более уязвимой, более нуждающейся в любви и более обреченной на разочарования, чем какое бы то ни было животное» [4, 239].

Думается, что аналогичные чувства переживал бог Гадес, когда влюбился в юную красавицу Персефону и, зная, что она для него недоступна, самым коварным образом завладел ею как вещью.

В греческом мифе рассказывается, как однажды Персефона, дочь богини-матери Деметры, собирала на лугу цветы со своими подружками. Ее внимание привлек необычайно красивый нарцисс. В тот момент, когда она срывала его, перед ней разверзлась земля и из ее недр на черных как ночь конях появился Гадес. Схватив Персефону, он в мгновение ока исчез в недрах земли. Персефона боролась, звала на помощь отца Зевса, однако помощь не пришла [5, 196].

Мысли, подобные вышеизложенным, Ницше высказал относительно общественного устройства цивилизации. Он утверждал, что «есть два вида гения: один, который главным образом производит и стремится производить, и другой, который охотно дает оплодотворить себя и рождает. Точно также между гениальными народами есть такие, на долю которых выпала женская проблема беременности и таинственная задача формирования, вынашивания, завершения, – таким народом были, например, греки, равным образом французы, – но есть и другие, назначение которых оплодотворять...» [6, 248]. Далее, рассуждая о судьбах народов-мучеников, автор утверждает: «... народы, мучимые и

возбуждаемые какой-то неведомой лихорадкой и неодолимо влекомые из границ собственной природы, влюбленные и похотливые по отношению к чуждым расам (к таким, которые «дают оплодотворять» себя) и при этом властолюбивые, как все, кто сознает себя исполненных производительных сил, а следовательно, существующим «Божьей милостью» [6, 248–249].

Можно согласиться с критиками, которые утверждали, что философская поэма Ницше «Так говорил Заратустра» была выдающимся произведением, что духовный опыт ее автора положительно повлиял на формирование взглядов и творчества Бернарда Шоу, Томаса Мана, Альберта Камю и Жана Поля Сартра. Однако, мы попытаемся выделить в произведении доминирующие психологические паттерны, которые, так или иначе, все же отражали подсознание последователей Ницше. Мы не вырываем произведение из исторического контекста, а наоборот, рассматриваем как источник проекций «*tertium comparationis*» (автономного психического комплекса подсознательного).

Первое, на что мы обратим внимание, это то, что в разговоре со старцем-отшельником у Заратустры, главного героя поэмы, выявляется стремление любыми судьбами отрешиться от недругов и извращений, блуждающих в сознании простых обывателей, родившихся в социальной среде, где правят «нечеловеческие» законы, заметим, законы бога Ареса. Практически, герои говорят об отчуждении личности с чистыми помыслами и намерениями по отношению к другим людям, которые заангажированны социальным шоу общества, построенного на невежественных законах торговли. На базарной площади Заратустра обращается к толпе с поучением и вопросом: «Я учу вас о Сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно его преодолеть. Что сделали вы, дабы преодолеть его?» Имеется в виду, человек как этап эволюции. Далее автор отмечает признаки социальной катастрофы, когда человек уже не в состоянии социализироваться в общество, развивающегося по законам дикого капитализма (а в этом, определенно, базовым элементом является патриархат). За порогом сознания герой поэмы не может найти преемливого (а в

подсознании разума нет) решения социальных проблем, и он заявляет, что Бог умер и под угрозой уничтожения осталась сама земля [6, 10].

В дальнейших рассуждениях Заратустры мы замечаем будто бы отражение архетипической истории человечества. Бинарная оппозиционность души и тела, о непримиримой борьбе между которыми говорит герой поэмы, свидетельствует о внутреннем конфликте между биполярными психологическими паттернами, заряженными энергией противоборства множества архетипов, среди которых приоритетное положение занимали Арес, Посейдон и Гадес. Поскольку эти архетипы никогда не были привлекательными, душа, по мнению Заратустры, «была тощей, отвратительной и голодной, и жестокость была наивысшим наслаждением для нее» [6, 10]. Дальнейшие рассуждения героя поэмы сводятся к бессознательному протесту против, как ни странно, архетипа Ареса, против несправедливой диктатуры патриархата. Но в то же время, в своих проповедях герой выражает уверенность в своей гибели за то, что он максималист, стремится до края истины, где уже нет жизни. Такие мысли свойственны мужчинам-Аресам, мужчинам-Посейдонам и мужчинам-Гадесам. Заратустра, как и Арес, чувствует ужасающий разрыв между собой и социально zaangażированной толпой, в которой нет места для идеала. Между тем, многие смертные мнят себя непобедимыми и могущественными личностями. Толпе не понравился вывод, к которому пришел Заратустра: удел настоящего человека быть «паяцем». Отторжение толпой пророка было толчком к отрешению от нее героя. Заратустра, наконец, почувствовав мощный инстинкт отторжения (совсем как Арес), заявляет о войне: «Будьте такими, чье око всегда ищет врага – своего врага. Не каждый из вас способен на ненависть с первого взгляда» [6, 40]. Но в то же время он говорит и о мире как средстве к новой войне. Далее, уже почти сознательно, он сам активизирует в своем подсознании Архетип Ареса и начинает восхвалять идею войны, как самого сверхчеловеческого проявления: «Я же говорю вам: только благо войны освещает вам всякую цель» [6, 40]. И наконец, Заратустра дает наказ людям: « ... так живите жизнью

неповиновения и войны! Что толку в долгой жизни! Какой воин захочет пощады» [6, 41].

В главе «О новом кумире» Заратустра справедливо высказывается о государственном устройстве, однако пафос его экспрессивных изречений очень уж близок Аресу. Удивительно, как эти умозаключения близки сознательным дефинициям В. И. Ленина в работе «Государство и революция». Особенно следующее утверждение Заратустры: «Только там, где кончается государство, начинается человек...» [6, 43].

И снова, в разделе «О базарных мухах» речи Заратустры пронизаны мощным зарядом энергии архетипа Ареса, активизирующего безысходную его ненависть: «Я вижу, устал ты от ядовитых мух... Крови желают эти жалкие создания, крови жаждут бескровные души – вот и жалят они в ненависти и простоте душевной» [6, 45].

Нужно отметить, что архетипы не могут пробуждаться в одиночестве. Их пробуждение и активность зависят от бинарной оппозиционности разно заряженных элементов, взаимодействие которых модулирует мощное электромагнитное поле. В этом поле функционируют разные по своим физическим характеристикам электромагнитные всплески головного мозга. Именно о таком взаимодействии оппозиций говорит Заратустра в главе «О друге». Мощному архетипу Ареса пытается противостоять архетип Гефеста, чей творческий дар заземлен и прагматичен. Как отмечает исследователь греческой мифологии Арианна Стасинопулос, Гефест трудом и потом создал цивилизацию. Так как он отвержен богами-олимпийцами, его гнетет собственное социальное положение, и он просто кипит обидой и недовольством. Этот архетип безраздельно властвует над гениями, творческими личностями. Вместе с тем, он яростен, взрывоопасен, как вулкан, всегда готов восстать с оружием в руках против тиранов. Но война не его удел: от природы он является миротворцем, гуманистом. В культуре олимпийских богов все «земное» подвергалось недооценке или угнетению: Мать Земля, экспрессивные эмоции, инстинкты, физиология человека, женщины, а также подобные Гефесту

мужчины [1, 219]. Кузница, где творил свои произведения Гефест, представляет собой место трансформации через огонь личных чувств и эмоций на объект своей деятельности. Эта трансформация соответствует экстровеертному способу контакта творца с объектом вожделений. Как художник он «вдыхал» в произведение свою жизненную энергию и объект оживал, и начинал требовать от своего создателя совершенства. Именно под влиянием архетипа Гефеста Заратустра ищет в женщине идеал друга и не находит. Поэтому он с грустью отдается влиянию мстительного Ареса и заявляет: «Слишком долго таились в женщине раб и тиран. Поэтому она не способна к дружбе: ей веома только любовь. В любви ее всегда есть несправедливость и слепота ко всему, чего не любит она... Пока еще не способна женщина на дружбу: женщины – это кошки, или птицы, или, в лучшем случае, коровы» [6, 49].

Во всех последующих разделах поэмы сквозит доминирование архетипа Ареса. Это доминирование, подчеркнито уединенное, возникает в процессе амбивалентной борьбы внутренних, глубинных паттернов архетипа Зевса – Гадеса, Посейдона и Ареса, анимы и анимуса. С психиатрической точки зрения такая внутренняя борьба характеризуется как мозаический распад психики на две личности (разделы «О друге» и «О любви к ближнему»). В конце концов, похоронив в себе Гефеста, Заратустра приходит к следующему выводу относительно женского пола: «Счастье мужчины зовется «Я хочу». «Счастье женщины – «Он хочет». Такое внутреннее доминирование мужчины заинтересовало бы женщину-Афродиту, которая не уступит своего лидерства в сексе ни одному мужчине. Только лишь с Аресом у нее была наиболее продолжительная любовная страсть. Но и тут – все когда-то кончается. Кончается и страсть. Именно поэтому у Заратустры возникло такое невежественное отношение ко всем женщинам, которых он называет «кошками» и т. д.

Также презрительно Заратустра относится и к браку как общественному акту и заявляет: «Любовью именуется у вас множество коротеньких безумств.

А брак ваш, как одна большая глупость, кладет конец безумствам этим» [6, 60–61]. Настоящую же любовь, не подвластную простым смертным, он сравнивает с факелом, освещающим путь в высоту.

И снова доминирует архетип Ареса, когда Заратустра с уважением высказывается о врагах. Он будто боится, что с исчезновением врагов исчезнет и необузданная ненависть, так жизненно необходимая для полноценной жизни человека.

К сожалению, Заратустра не мог увидеть тот глубинный смысл самопожертвования Иисуса Христа [7, 41–43]. Он видел в лице Христа только лишь проекцию самого себя, слабого «Ареса», ужаснувшегося страданиям человеческим и пожелавшего себе ранней смерти [6, 63]. Таким образом, мы подошли до своеобразной реинкорнации героя произведения, в результате которой в его сознании зарождается идея о «Сверхчеловеке». При этом, он говорит о смерти Христа: «Слишком рано он умер; он бы сам отрекся от учения, своего, доживи он до моих лет! В нем было достаточно благородства, чтобы отречься! Но был он еще незрелым. Незрела любовь юноши, и незрела ненависть его к земле и человеку» [6, 63]. С этого момента начинается утопическое видение автором поэмы «Так говорил Заратустра» будущего выздоровления «земли», на которую повеет благоухание, несущее новую надежду. К сожалению, многие философы обобщали любовь и сексуальные влечения. Например, Башляр Гастон, французский философ и культуролог, основатель неорационализма (интегрального рационализма), был разработчиком идеи диалектической сублимации как формы превращения энергии «влечения». Изучая значение сексуальной символики огня, он не учел одно обстоятельство: символ не может быть "художественным тропом", поэтому его нельзя сравнивать с чем-либо. Символ всегда имеет конкретное значение, которое мы пока еще не понимаем, но пытаемся объяснить. Огонь же имеет вполне конкретное символическое значение – это превращение энергии. Сексуальное влечение без женских (в первую очередь Афродита) архетипов невозможно рассматривать.

На заре XX века алгоритм создания «Сверхчеловека» повторяет тот самый «заколдованный круг» истории – «комплекс Кроноса». Основной причиной напряженного психического конфликта Заратустры с внешним миром стало его «Эго», абсолютно не воспринимающее достижения христианской цивилизации, осуществлявшиеся вне рамок его личной концепции о «Сверхчеловеке». Такова природа его нигилизма, схожего с нигилизмом Ареса, постоянно пребывающего во враждебной среде. В этом и заключается трагическая сущность образа героя, не подозревавшего, что бежит он в «беличьем колесе».

Архетипы часто соревнуются между собой. Это могут быть и мужские, и женские архетипы [8, 113]. Очевидно, что в подсознании Заратустры в какой-то момент в самых затаенных глубинах активизировался женский архетип Гекаты. В греческой мифологии Геката – это богиня перекрестков, богиня интуиции душевной мудрости. Геката – свидетель теневых событий, проявляющихся на пограничье сознания и подсознания, в снах. Геката часто выступает как ясновидящая, экстрасенс [8, 98]. Она обладает сверхъестественными силами, внушающими иррациональный страх [8, 103]. Именно этот страх угнетает Заратустру, отчуждает от общества. Уединение – главное условие медитации Гекаты. Заратустра постоянно стремится уединиться, даже от своих учеников. Стремится стать невидимым, как Геката.

Иногда в подсознании Заратустры заметен и архетип Гестии. Гестия, в греческой мифологии, является хранительницей священного огня в каждом доме. Заратустре, как и Гестии, необходима фокусировка внимания на присутствии в моменте через опустошение сознания и успокоение эмоций. Как архетип, Гестия – это неподвижная точка в центре души, которую называют «Я» [8, 104]. Присутствие в моменте через опустошение сознания соответствует сартровскому пути очищения «neant» («ничто»), когда в результате уединения, отстранения влияния на сознание психологических паттернов человек приобретает «самость». В те моменты, когда Гестия становится доминирующим архетипом личности, возникает атмосфера, в которой все остальные архетипы (мужские и женские), усевшись вокруг пылающего огня,

дискутируют до тех пор, пока не достигнут консенсуса [8, 114]. Однако главный герой поэмы не способен слышать другие голоса.

В XXI веке тем более актуален критический подход к опыту последователей Ницше, ибо сегодня многие мужчины вовлечены в идейную борьбу ради переустройства общества по идеальной, как им кажется, модели социально ориентированного государства. Однако, при этом они не учитывают своих собственных ошибок, унаследованных от предшествующих поколений, не подозревают, что регенерируют в своем подсознании автономный психический комплекс (“*tertium corporacionis*”) [8, 114] и, как их предки, вновь переживают неприязнь и ненависть к иллюзорным врагам. Тем более, при обучении молодых людей гуманитарным наукам сегодня, как никогда, необходимо выработать более четкие образовательные стандарты по гуманитарным наукам, основанные на достижениях фундаментальных наук, как физика, медицина, генетика и психолингвистика.

Список литературы:

1. Болен Д.Ш. Боги в каждом мужчине / Джин Шинода Болен.- М.; Киев; София, 2005.- 297 [б] с.
2. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский.- М.: Просвещение. 1990.- 448 с.
3. Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и дополн.- Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001.- 1280 с.
4. Ницше Фридрих. Сочинения в 2-х т. Т. 2, изд-во "Мысль", М.: 1996.- 829 с.
5. Болен Д.Ш. Богини в каждой женщине / Джин Шинода Болен.- Москва; София, 2008.- 342 [2] с.
6. Ницше Фридрих. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого, Пер. с нем.) - М.:Интербук (Сер. "Страницы мировой философии"), 1990. 301 с.
7. Наука вчера, сегодня, завтра / Сб. ст. по материалам XV международ. науч.- практ. конф. №8 (15). Новосибирск, изд. "СибАК", 2014, 80 с.
8. Болен Д.Ш. Старшие богини: Новая психология женщины. Архетипы богинь / Перев. с англ.- М.: ООО изд. "София", 2008.- 272 с.

1. Bolen Yein Shinoda. Bogi v kazhdom muzhchine / Yein Shinoda Bolen. - M.: Kiyew; Sofiya, 2005. – 297, [6] s.
2. Freyd Z. Psihologiya bessoznatelnogo: Sb. proizvedeniy / Sost., nauch. red., avt. vstup. st. M.G.Yaroshevskiy. – M.: Prosveshcheniye. 1990. – 448 s.
3. Noveyshiy filosofskiy slovar: 2-e izd., pererabot. I dopoln. – Minsk: Interpresservis:, Knizhnyy Dom. 2001. – 1280 s.
4. Nicshe Fridrih. Sochineniya v 2-h t. T. 2, izd. “Mysl”, M.: 1996.- 829 s.
5. Bolen Yein Shinoda. Bohini v kazhdoy zhenshchine / Yein Shinoda Bolen. – Moskva; Sofiya, 2008. – 342 [2] s.
6. Nicshe Fridrih. Tak hovoril Zaratustra. Kniga dlya vseh i ne dlya koho, Per. s nem.) – M.: Interbuk (Ser. “Stranicy mirovoy filosofiyi”), 1990. – 301 s.
7. Nauka vchera, segodnya, zavtra / Sb. st. po materialam XV mezhdunarod. nauch.- prakt. konf. №8 (15). Novosibirsk, izd. “SibAK”, 2014, 80 s.
8. Bolen Yein Shinoda. Starshiye bohini: Novaya psiholohiya zhenshchiny. Arhetipy bogin' / Perv. s angl. – M.: OOO Izd. “Sofiya”, 2008. – 272 s.